

Человек и космос в учении Вернадского и Шардена

Мы живем в период драматических, глобальных перемен, которые особенно болезненно переживаются на Ближнем Востоке. Однако традиционные институты, структуры мышления, экономические системы и ценностные представления теряют свое значение не только там, но и во всем мире. Мы живем в переломное, кризисное время.

Перемены — это неотъемлемый атрибут истории, однако в настоящий момент мы пребываем на пороге таких изменений, такого осевого времени, такой смены парадигм, которая предъявляет к индивидууму и обществу совершенно новые требования.

Доклад «Человек и космос в учении Вернадского и Шардена» призван осветить этот феномен перелома и смены парадигм на нескольких примерах. Ведь обоих этих ученых необходимо назвать флагманами, предтечами и инициаторами новых видений мира. Для решения старых проблем необходимы новые парадигмы, или, как сказал Альберт Эйнштейн, мы не можем решить проблемы, с которыми сталкиваемся, на том же уровне мышления, на котором находились, когда их создали; мы не можем решить проблемы теми же средствами, из которых они возникают. Необходимо подняться на следующий уровень.

Шарден и Вернадский являются важнейшими предтечами новой картины мира, радиус влияния которой перерос гра-

**Д-р. Каролин
Эбертсхаузер** —
основатель
и президент Общества
по межкультурным
исследованиям DISEGNO

ницы науки и распространился на социальную и политическую области. Они относятся к тем, кто в первой половине XX в. создал новую парадигму будущего и тем самым внес значительный вклад в новое сознание человечества. Их объединяет то, что оба они были увлеченными учеными-естествоиспытателями в области геологии, палеонтологии, антропологии и геохимии и стремились (прежде всего, Шарден) в рамках структуры своего мышления следовать научной методике, в том числе занимаясь духовно-религиозными проблемами.

Оба разделяют представление о том, что мир состоит из взаимозависимых, взаимовлияющих сфер: геосферы (неодушевленной природы), биосферы (в которой находят свою нишу все живые существа) и предназначенной человеку ноосферы, возникающей посредством духовной деятельности человека и определяемой ею, а также проявляющейся во вмешательстве человека в биосферу. Чтобы лучше понять это, приведем некоторые данные и факты из биографий Шардена и Вернадского.

Мари-Жозеф Пьер Тейяр де Шарден (Marie-Joseph Pierre Teilhard de Chardin) родился 1 мая 1881 г. в замке Сарсена недалеко от Клермон-Феррана, умер 10 апреля 1955 г. в Нью-Йорке. Жизнь Шардена была наполнена путешествиями в дальние страны, которые позволили ему познакомиться с культурами разных народов. Он преподавал физику в Каире (1905–1908) и путешествовал по Бирме, Эфиопии и Индии. Из-за его неортодоксальных богословских воззрений у него возник конфликт с ватиканской Конгрегацией (*Congregatio pro Doctrina Fidei*), вследствие чего он был послан в Китай, где пробыл 20 лет.

Большая часть его трудов не была опубликована при жизни. Последние годы жизни он являлся научным сотрудником Фонда антропологических исследований Уэннера-Грена в Нью-Йорке. Там же, в Нью-Йорке, ученый скончался в 1955 г. Еще при жизни его высоко ценили коллеги и духовные лидеры того времени, а его труды, опубликованные посмертно, стали сенсацией. Во второй половине XX в. существовали многочисленные течения, исследовавшие и развивавшие наследие Шардена.

Владимир Иванович Вернадский родился в 1863 г. в Санкт-Петербурге, умер 6 января 1945 г. в Москве. Российский геолог, геохимик и минералог, один из основателей геохимии, радиогеологии и биогеохимии. Вернадский изучал естествознание в Санкт-Петербургском университете с 1881 по 1885 г. С 1890 г. он преподавал там же минералогию в качестве приват-доцента. С 1898 по 1911 г. был профессором минералогии в Московском университете. В 1912 г. Вернадский стал членом Санкт-Петербургской Академии наук. В 1914 г. был избран директором Геологического и минералогического музея Санкт-Петербургской Академии наук. С 1922 по 1926 г. Вернадский жил в Париже, где читал лекции по геохимии в Сорбонне. Затем он вернулся в Советский Союз и с 1929 г. был директором биохимической лаборатории Академии Наук СССР, а также с 1939 г. директором основанного им Государственного института радия в Петрограде.

Вернадского и Шардена связывают научные исследования в области геологии и геохимии и в особенности термин «ноосфера», впервые получивший широкое распространение благодаря обоим ученым.

Преподавая в Сорбонне, Вернадский контактировал с наиболее прогрессивными мыслителями того времени, работавшими в области естествознания, теологии и философии, в том числе с Анри Бергсоном, Тейяром де Шарденом и другими учеными, в кругу которых разрабатывалось предложенное Эдуардом Леруа (Édouard Le Roy, 1870–1954) понятие ноосферы. Как Вернадский, так и Шарден рассматривают понятие ноосферы как центральное понятие своего мировоззрения и своей космологии, наделяющей человека совершенно новой ролью.

Влияние Вернадского на русскую духовную традицию невозможно переоценить. Его интерпретация ноосферы надолго обогатит грядущие поколения не только в области чистой науки, но и в области антропологии и философии.

Осевое время

Шарден и Вернадский инициировали изменения в истории менталитетов (парадигм) в первой половине XX в.; некоторые другие исторические эпохи также рассматриваются как время решительных перемен. Это были не только социальные, экономические и культурные изменения, гораздо важнее в данном случае связанное с ними формирование нового сознания и мировоззрения.

В своем выдающемся труде «Истоки истории и ее цель» (1949) Карл Ясперс описал этот феномен и разработал свою когнитивную модель. С осевым временем Ясперс связывает прежде всего изменение человеческого сознания в том или ином культурном пространстве.

Речь здесь идет не о переломах и изменениях в социальных или культурных структурах, но в первую очередь о фактическом переломе в человеческом сознании, результатом и продолжением которого являются дальнейшие изменения и развитие. В своей работе Ясперс пишет об осевом времени, в том числе и в особенности об интеркультурном обмене на этих уровнях.

Исторический период, описываемый Ясперсом в качестве примера, 800–200 гг. до н.э.: «В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае,— были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исая, Иеремиа и Второисая; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда.

Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. <...> он ставит радикальные вопросы. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира»¹. «Человек

уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал»². «Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия. <...> Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа»³. «В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью»⁴.

Обозначение общего, превышающего границы каждой отдельной культуры, стало основным предметом размышлений Ясперса, потому что он видел в нем базис, своего рода матрицу для интеркультурной коммуникации, ставшей неизбежной в мировой истории. В этой связи необходимо упомянуть проект «мировой философии» Карла Ясперса, описывающий общую для всех и связывающую всех философию.

Важный аспект философии Ясперса и его концепции осевого времени — это то, что скачок в развитии той или иной культуры не только связан с этой одной культурой или цивилизацией, но выражает идею общности, взаимосвязанной комплементарности культурного развития. Этим он предвосхищает связывающую идею единства, возникающую в понятии ноосферы Шардена и Вернадского, которое нам еще предстоит объяснить. С точки зрения философии Ясперса, картина, характерная для осевого времени, повторяется в разные века. Европейский Ренессанс около

1500 г. также рассматривается как значимое осевое время. Возрождение в эту эпоху классических философских рациональных принципов рассматривается как колыбель Нового времени: начало доминирования рациональности и одновременно новых представлений о человеческой природе, аналогичных представлениям в гуманизме и Реформации на севере Европы. Длинный путь религиозных войн, переломов и смены господствующих форм привел к эпохе Просвещения.

Шарден и Вернадский как создатели нового осевого времени

С упомянутым в начале осевым временем Ясперса можно сравнить первую половину XX в., своего рода новое осевое время и время смены парадигм, имевшей место благодаря ведущим ученым, представлявшим разные культурные сферы и области деятельности. В первую очередь в этой связи следует упомянуть Шардена, Вернадского, Гейзенберга и Шри Аурубиндо.

Во Франции разрабатывает свое революционное мировоззрение Шарден; это мировоззрение впервые описывает человека и его духовную жизнь в контексте развития космоса. Вследствие христианских корней Шардена это развитие перерастает в объемлющую весь мир ноосферу христологии. В это же время в далекой России Вернадский разрабатывает духовную модель ноосферы, которая, как и у Шардена, заново формирует и охватывает мир геосферы и биосферы и вносит в него глубокие изменения.

Одновременно в Германии Вернер Гейзенберг — within an entirely differ-

ent, yet mentally closely related, context — развивает новую картину мира в физике, а именно квантовую теорию. Таким образом, Гейзенберг преодолел господствовавшую в то время статическую картину мира, основанную на классической механике Ньютона. Как раз квантовой теории суждено было стать предпосылкой нового мышления, в том числе в интеллектуально-спиритуальной области, ее следствия фундаментально изменили представления о человеке.

Поразительно, что в Индии Шри Ауробиндо — великий визионер, который хотел воплотить в жизнь новый футуристический социальный образ жизни в своем новом ашраме Ауровиль в Пондишери, — сформулировал философию, во многих отношениях сходную с философией Шардена. Шри Ауробиндо — исключительно современный феномен. В своих работах он также преодолевает разделяющее и приходит к холистическому мировоззрению, связывает староиндийскую духовную традицию с западным содержанием, усвоенным им во время учебы в Европе, прежде всего с немецкой философией идеализма в сочетании с новым научным мышлением.

Шарден во Франции, Вернадский в России, Гейзенберг в Германии и Шри Ауробиндо в Индии образуют, таким образом, ось нового духа времени. Несмотря на разницу мировоззрений они проложили новый путь. И в их космосе главную роль играют естественные науки.

Основная мысль, объединяющая Шардена и Ауробиндо в понимании ими эволюции, заключается в том, что эволюция ни в коем случае не завершается

с прорывом сознания, произошедшим в человеке. Достигнув этого уровня, она стремится к более высокой, сверхчеловеческой ступени супраментального, к ноосфере. Удивительная конвергенция терминологии обоих ученых проявляется именно в описании этой следующей ступени, к которой стремится человечество: оба описывают эту ступень как ступень «сверхума» («supermind»), «сверхсознания» («superconscious») или как ступень супраментального. Более того, оба говорят о достижении ультрагуманной, супергуманной ступени. Ауробиндо пишет: мыслящий человек должен, прежде всего, развить в себе самом более совершенное существо, божественного человека или духовную, супраментальную человечность, которое должно стать следующим результатом эволюции.

Шарден сходным образом объясняет будущую эволюцию человечества: развитие человечества ни в коем случае не достигло еще своей кульминации и не протекает в обратном направлении; напротив, в наше время оно переживает всецелый подъем.

Третье и еще более удивительное совпадение в мышлении обоих ученых — это новая оценка материальной, плотской действительности, проявляющаяся как у индуиста Ауробиндо, так и у католика Шардена. В обоих случаях для признания этого факта выделения сознания из слоя материи и растительной и животной сферы было необходимо преодолеть традиционный дуализм, лежавший в основе традиционного индуистского мышления, сильное влияние которого ощутимо и в христианском богословии.

Шарден выражает новую оценку реальности в понятии «священной земли».

Это понятие означает, что земля воспринимается уже не как юдоль скорби в смысле древнего дуализма, а как место прогрессивного явления «Бога эволюции». Сходным образом видит это и Ауробиндо.

В размышлениях Шардена о будущем главенствует идея прогрессивной социализации современного человечества. В том факте, что не только различные культуры и цивилизации, но и народы и расы все более интегрируются в единое человечество, Шарден видит характерный для нашей эпохи процесс дальнейшего развития ноосферы и связанный с ним прорыв к новому, супраментальному уровню. Идеалом для Шардена является идея христианской общности и социализации, нацеленной на единение человечества. Ауробиндо считает главной целью не социализацию, а индивидуализацию.

Представление Шардена о будущем развитии человечества в супраментальном направлении определяется его христологией. Именно здесь проявляется специфика его понимания Христа: для него явление исторической фигуры Христа не однократный исторический акт, в котором происходит вмешательство Божественного в историю. Шарден видит в этом событии не завершённый акт, а начало процесса преобразования всего человечества.

Паскаль и Шарден

Чтобы проиллюстрировать радикальное изменение христианских представлений о гуманизме, осуществлённое Шарденом, мы сравним Шардена с Блезом Паскалем, ученым и философом,

который совершенно эндемичен для конца средневековья — начала Нового времени.

Блез Паскаль (1623–1662) и Шарден являются не только выдающимися учеными-естествоиспытателями каждый в своей области, но и одновременно глубоко верующими христианами, которые в своих трудах выразительно излагают учение о мире и человечестве, обусловленное современными им представлениями.

Для Шардена открытие эволюции Дарвином стало тем же, чем для Паскаля было открытие Галилея. В то время идея о происхождении человека от обезьяны угрожала, казалось бы, человеческому достоинству. Как бы то ни было, идея развития, постепенных изменений раз и навсегда стала центральной темой не только для Дарвина, но и для философов, например для Анри Бергсона, и сильно повлияла на мыслителей того времени.

Оба стремятся поставить вопрос о христианском Боге и сущности человека, исходя из естественнонаучной перспективы. Однако Паскаль недвусмысленно подчеркивает в своих работах страдание, слабость и несовершенство человеческого существа, протекающее не только из его расчлененности, которая является результатом нового космического порядка, но и из христианской идеи первородного греха. Шарден, напротив, одобряет мир как таковой и оптимистично призывает человечество к действию и к активному прогрессу.

Что же означает падение птолемеевой картины мира для Паскаля, в свое время пережившего его на личном опыте? В этой связи Гвардини писал: «Как

средневековая, так и античная картина мира были ограничены, однако ценностью этого ограничения была однозначная определенность и совершенность формы. <...> Таким образом, конечность обрела абсолютные акценты. <...> Однако теперь, во всепроникающем сознании Нового времени, мир начинает неограниченно расширяться во все стороны; он становится «бесконечным». <...> Тем самым, человек перестает быть центром или вершиной мира».

Что такое человек в бесконечном?

Своим разумом и душой человек соприкасается с ангелами, его плоть указывает ему место животного. Его несчастье в том, что он не животное и не ангел, а нечто среднее. Эта неизбежная двойственность делает человека пленником. Паскаль не скрывает своего потрясения перед лицом перемен современной ему эпохи. Центральное понятие здесь — испуг, страх. Именно в этой точке Шарден совершает решающий поворот (его мы детально обсудим позже), а именно: вводит идею эволюции человечества и вместе с тем концепцию свободы.

Шарден пишет: «Чтобы найти выход из этой парадоксальной ситуации раздвоенности, я предлагаю рассмотреть во Вселенной, помимо бесконечно малого и бесконечно большого, третью бездну: бесконечную бездну сложности».

Благодаря открытию сложности — в том виде, в каком оно было сформулировано в учении Дарвина об эволюции, — наука получила новый адекватный масштаб для определения иерархической последовательности элементов. Только при помощи сложности пространство раскрывается во временном измерении. Посредством этой новой категории статическая, неизменная Все-

ленная Паскаля преобразуется у Шардена в динамический, движущийся вперед и находящийся в процессе совершенствования космос.

Таким образом, только при помощи сложности становится возможной эволюция в пространственно-временном измерении. Это важно, прежде всего, для определения места человека в этой новой системе.

В своей работе «Космическая жизнь» (1916) Шарден, не вдаваясь в метафизическую спекуляцию, с энтузиазмом декларирует свою веру в идею о том, что этот мир вовлечен в процесс становления: «То, что следует из этого, имеет побудительные причины в переизбытке жизни и сильном желании жить: это было написано, чтобы очертить волнующий образ Земли и в попытке избавиться от сомнений, которые препятствуют моей деятельности — потому что я люблю Вселенную, ее энергии, ее тайны, ее надежды и в то же время я посвятил себя Богу, единственному Источнику, Цели и Конечной Точке». Эти слова Шардена описывают совершенно новую идею человека.

Шарден определенно отдавал себе отчет в том, что уже в этой первой большой работе он если не покинул почву классических богословских убеждений, то в существенной степени вышел за их границы. «Пытаясь понять предпосылки и принципы жизни космоса, мы приходим к выводу, что вводим не больше и не меньше, чем новую ориентацию христианской аскезы».

Место классической интерпретации страдания как наказания и искупления, связанного с грехом, у Шардена в «Космической жизни» занимает страдание как «последствие и цена труда разви-

тия. Ведь физическое и моральное зло возникает из становления». Этим шагом Шарден изменил как христианское понимание мстительного Бога, так и представление о судьбе и предопределенности жизни. Для приведенного здесь образа человечества характерен свободный выбор в пользу самостоятельности действий и принятие зла как части собственного развития на пути к христогенезу.

Точка зрения Шардена по этому вопросу показывает (как описывается в его книге «Le coeur de la matière», изданной в 1976 г.) имевшее место за это время драматическое развитие. К самым радикальным шагам человека в рефлексии по поводу его собственного места в мире относится открытие Дарвина и связанное с этим крушение представлений человека о себе самом. С осознанием того, что живая природа возникла в процессе развития и что сам человек является частью этого процесса, произошел радикальный отход от церковных представлений о том, что все живые существа сотворены Богом в их нынешнем виде. Мысль о том, что в природе действуют силы развития, занимала не только естествоиспытателя Дарвина. Тему эволюции и трансформации подхватили и другие философы, например Анри Бергсон, один из его важнейших сторонников.

Анри Бергсон

Шардену было 24 года, когда вышел в свет главный труд Бергсона «Творческая эволюция» (1907). Влияние, которое Бергсон оказывал еще при жизни, невозможно переоценить. Очевидно,

что его книга сильно повлияла и на пытливый ум молодого исследователя Шардена, поскольку тут развитие жизни на Земле, трансмутация организмов были представлены как неоспоримая истина, однако силы становления еще нуждались в объяснении. В «Творческой эволюции» Бергсона была открыта тайна творения. Признавалось действие скрытых сил, которые плохо поддаются или вообще не поддаются рациональному измерению. Тем самым она противоречила в высшей степени механистическим интерпретациям теории Дарвина. Идея Бергсона о творческой жизненной силе сильно повлияла на Шардена. В этом мире идей великого философа семени, из которых Шарден смог взрастить свои собственные труды, обрели плодородную почву. Бергсон выстроил для христиан мост к их собственному учению о происхождении видов, которое он всегда переживал как учение о подъеме и прогрессе.

Для Бергсона эволюция в том виде, как ее описывает Дарвин, недостаточна. Согласно ему, должен существовать так называемая *l'élan vital*, стремление к жизни или «жизненный порыв», преобразовывающий неодушевленную материю в одушевленную. Неорганическая материя у Бергсона характеризуется постоянной потерей энергии по причине энтропии, в то время как живая материя, в противоположность неживой, переживает подъем за счет *l'élan vital*.

Идея о том, что время по отношению к пространству и в науке представляет собой решающий фактор, являлась (наряду с другими факторами) предпосылкой для осуществленного Шарденом переноса идеи развития из естествознания в область духовного.

Действительно, история эволюции видов представляет собой центральную тему для Шардена-палеонтолога, ведь он одним из первых работал с останками синатропа (так называемого пекинского человека). Идея развития дает человеку некоторое утешение, ведь она означает преодоление описанного у Паскаля «*conditio humana*» как угрожающего элемента в неподвижной, статической картине мира.

Не только идея развития характеризует у Шардена мир как целое, не только направленность истории и эволюции в смысле христианской «истории спасения»; с появлением человека эволюция приходит к своему собственному осознанию. В шарденовской концепции человека это решающий шаг, представляющий собой совершенно новую стадию развития: мыслящий человек, который не только сам является продуктом эволюции, но и посредством осознания самого себя и мира может подняться над собой и познать процессы, частью которых он является.

Шарден убежден, что человек еще находится в процессе эволюции, что его развитие пока не завершилось. Хотя многие биологи и придерживаются мнения, что, поднявшись до ступени *homo sapiens*, человек достиг своей высшей органической границы, однако сегодня все больше побеждает мнение, согласно которому сознание не только не достигло своей наивысшей точки, но и вступило в критический период нарастающей интенсивности и силы роста. Говоря о развитии индивида, превышающем наивысший уровень, Шарден, прежде всего, имеет в виду сверхиндивидуальное сознание, коллективное сознание, объединяющее все человечество.

Новым и вызывающим недоумение в этой идее является то, что в рефлексиях как таковая рассматривается как социальный феномен, в котором каждый отдельный индивид есть лишь фрагмент. В охватывающем все человечество сознании может быть достигнут уровень тотальной рефлексии.

«Человечество, зародившееся на планете и заселившее ее, постепенно образует вокруг всей своей земной формы выражения только одно единственное, закрытое в себе самом высшее органическое единство. Одну единственную гиперкомплексную и гиперсознательную сверхмолекулу, коэкстенсивную с планетой, на которой она возникла» (Шарден).

Человечество как коллектив является субъектом эволюции и вовлечено в постоянный процесс развития. Помимо биологической эволюции, человечество, и только человечество, подвержено ментальной эволюции (которая, однако, проявляется в материи: дух и материя нераздельны!).

Результатом роста численности населения Земли является, как и во всякой естественной системе, увеличение сложности, поднимающей человечество на новый уровень коллективной духовности — *ноосферу*. При этом возникает новый вид духовной взаимосвязи, трансиндивидуальный, трансментальный супермозг.

Однако социализация ни в коем случае не означает конец эпохи личности, напротив, это ее начало. Вся проблема состоит в том, что социализация и единение отдельных индивидов происходит не посредством вынужденной, функциональной механизации, а посредством воодушевленного любовью

совместного действия. Шарден говорит здесь о новой форме универсальной любви, о которой часто напрасно мечтали и которая теперь покидает наконец-то область утопии и оказывается возможной и необходимой.

Шарден: «Любовь всегда тщательно исключалась из всех реалистичных и позитивистских концептов мира. Но рано или поздно нам придется признать, что она есть основная энергия жизни или, если хотите, единственное естественное окружение, в котором может продолжаться восходящее движение эволюции».

Любовь — это наиболее универсальная, самая чудовищная и самая таинственная из всех космических энергий. Не она ли в своем существе является той самой силой притяжения, влияющей на каждый наделенный сознанием элемент находящегося в процессе формирования центра Вселенной. Призывом к великому единению, осуществление которого является единственным проходящим в настоящее время в природе процессом.

Смысл ответа содержится не в нем самом, он стремится к цели, лежащей за его пределами, то есть к трансцендентной цели. Здесь Шарден-ученый превращается в метафизика. В этой точке его теория однозначно отмежевывается от марксистского мировоззрения.

В то время как для марксизма смыслом и целью истории является имманентное земное счастье всех людей, Шарден видит предназначение человека только в трансцендентной реальности. Этот пункт развития Шарден называет «Омега».

Космогенез > Биогенез > Ноогенез > Христогенез.

В этой последовательности записывает Шарден на последних страницах своего дневника этапы эволюции. Христос как последняя стадия? Как это понимать, если Шарден одновременно говорит о Нем как о супра-эволютивном, то есть трансцендентном полюсе? В работе «Феномен человека» («*Phenomene Humain*») Шарден пишет: «В конце эволюции мы видим Омегу как обобщающую вершину движения. Но с этой эволюционной точки зрения проявляется лишь половина Его. Как последняя стадия развития Он одновременно находится вне развития».

Важнейшими характеристиками ноогенетического движения, согласно Шардену, являются: сближение мыслящих элементов; синтез отдельных индивидов и синтез наций и рас. Необходимость личностной, автономной и наивысшей критической точки, чтобы связать отдельные личности в атмосфере активной симпатии, не оказав при этом на них отрицательного влияния, не навредив им.

Все это, повторим, с учетом совместного действия двух искривлений: округленность (поверхности) Земли и космической конвергенции разума — в соответствии с законом сложности и сознанием.

Омега-Христос, таким образом, одновременно является частью эволюции и возвышается над ней, имманентен и в то же время трансцендентен. Для Шардена это означает, что в тот самый момент, когда завершается (становится совершенной) Вселенная, Христос завершается (становится совершенным) Вселенной. В этой смелой мысли Шарден актуализирует видение мистического Тела Христового.

Возражения, согласно которым эта унификация человечества представляет угрозу для нашей изначальной индивидуальности и свободы, Шарден отвергает при помощи следующего аргумента: наш ежедневный опыт подтверждает, что единение сердца с сердцем и духа с духом не только дифференцирует, но и укрепляет в соединении с любовью.

Дать дефиницию человека нельзя ни исходя из его принадлежности к телесному, ни исходя из принадлежности к миру духов, но единственно исходя из порядка любви, то есть из Бога. Другими словами, человек изначально создан для Бога, направлен на Него, и только исходя из Бога можно понять человека. Следовательно, предназначение человека — в его Богоподобии (человек создан по образу и подобию Божьему).

Образ человека у Вернадского

Для Шардена центральная тема — человек в его взаимосвязи с миром и космосом и прежде всего в его отношении к религиозно-этическому, христианскому миру.

Будучи ученым-естествоиспытателем, Вернадский рассматривает религиозно-этическое развитие человека лишь мимоходом, однако он упоминает свои занятия индийской духовной традицией и удивительные совпадения последней с новейшими данными естествознания. Однако, рассматривая через понятие ноосферы духовную деятельность человека (то есть объединенного человечества) как часть наряду с биосферой Земли, он в наисовременнейшем смысле перешагивает и даже оставляет за собой средневековое хри-

стианское разделение материи и духа, человека и природы.

Отдельные сферы, которые различает Вернадский (литосфера, гидро-, гео-, био- и ноосфера), немислимы друг без друга и неразделимы. Кроме того и одновременно с тем, что они оказывают друг на друга взаимное влияние, они находятся в процессе развития и преобразования. В качестве примера здесь можно привести современное понятие экологического равновесия.

Вернадского занимают два великих философских течения, история каждого из которых насчитывает по несколько тысяч лет: идеалистическая и материалистическая философия. Согласно Вернадскому, материалистическое мышление получило в Советском Союзе в первые десятилетия XX в. преимущество по политическим причинам. Вернадский хотел бы преодолеть это развитие, он высказывается в пользу холизма: «Среди разнообразных философских систем нашего времени, все ярче создаваемых под влиянием научного знания, есть ряд философий, предвестников будущего ее расцвета, с которыми не может не считаться современный ученый. Среди них должна обращать сейчас на себя внимание биологов философия холизма <...> Эта философия холизма интересна еще потому, что она по-новому пытается перестраивать теорию познания <...> Мне кажется, философия холизма с ее новым пониманием живого организма, как единого целого в биосфере <...> впервые пытается дать новый облик теории познания».

Вернадский стремится понять соотношение «живого и мертвого». Научные доказательства существования особых жизненных сил или присущей организ-

мам жизненной энергии (*Elan Vital* и т.п.) в соответствии с тогдашним состоянием науки невозможны. Тем не менее Вернадский выступает за дальнейшие исследования в этом направлении, указывая на индийское мышление, имеющее давние традиции в этой области:

«Интуиция, вдохновение — основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем — не вызываются ни научной, ни логической мыслью и не связаны со словом и понятием в своем генезисе. В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание. Глубже и интереснее эта область уже раскрыта в индийской философии, как в прошлом, так и в настоящее время».

Разумеется, она далека как от современного естествознания, так и от современной (западной) философии. Однако как в древней, так и в новой индуистской философии существуют течения, которые ни в коем случае не противоречат современной философии. Так, например, религиозно-философские стремления, к которым среди прочих необходимо отнести великого религиозного мыслителя Ауробиндо. Эти течения противоречат современным естественным наукам даже гораздо меньше, чем некоторые философские системы Запада.

Как бы ни отличался путь Вернадского от религиозного мышления Шардена, их объединяют не только их научные занятия и труд в области естествознания, но и модель мира и космоса, в которой

человеческий дух играет центральную роль. В образе ноосферы у Вернадского духовное устремление человека мыслится как объемлющая весь мир сфера. Это представление не только является совершенно новым философским подходом, но и вводит новые предпосылки для социальных вопросов и социальной системы. В противоположность Шардену, Вернадский остается в области чистого естествознания, в то время как Шарден вводит естествознание в свой религиозный космос. Тем не менее для эпохи, в которой оба живут и работают, характерна общая картина, составленная из различных предпосылок и точек зрения.

Согласно Вернадскому, биосфера также сменяется ноосферой или ноосфера параллельно накладывается на биосферу. В эпоху человека он оказывает такое масштабное влияние на Землю, что начиная с этого времени все естественные процессы в природе подчиняются его влиянию и тем самым частично ускоряются, частично подвергаются изменениям.

В конечном итоге Вернадский выступает за холизм, который, однако, согласно его представлениям, должен выйти за пределы естественнонаучной аргументации Запада. В индуистском мышлении уже имеются и развиты подобные аргументы, которые можно позаимствовать оттуда, чтобы преодолеть как идеализм, так и материализм.

«Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу».

«Ноосфера — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней. Ход этого процесса только начи-

нает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах. <...> Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее — в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим».

Поэтому человек получил невиданную до сих пор власть над природой.

Если сравнить прежние представления о неизменном сотворении мира и человека, то часто цитируемое библейское повеление: «Наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте» (Быт, 1:28) предстает здесь в качестве жизненно необходимой предпосылки для человека и человеческой цивилизации. Представление Вернадского о влиянии человека на природу включает в себя как необходимость выживания, так и свободу выбора того, что человек делает и за что он принимает на себя ответственность. Поэтому образ человека у Вернадского предусматривает большой потенциал автономии и собственной (личной) ответственности, выходящий далеко за пределы чистой необходимости.

Таким образом, человек посредством своего мышления неотвратимо подчиняет себе Землю, «владычествует» над ней. Однако он свободен в выборе того, как он будет влиять на Землю, формировать и организовывать ее.

Неравнодушная личность Вернадского произвела революцию в науке, однако одновременно с этим он принимал активное участие в социальной и политической жизни, выступая прежде всего за образование молодежи, университеты и поощрение свободомыслия.

Заключение

Оба ученых своим революционным мировоззрением не только оказали влияние на образ человечества своего времени, но и заложили основание для будущего. Для Шардена освобождение человека из дуалистического разлада между добром и злом, между грехом и благодатью происходит за счет развития всего человеческого рода, но и отдельного индивидуума, аспект индивидуального выбора дарует свободу. Это развитие в направлении ноо- и христосферы поддерживается связывающей силой любви.

Вернадский также отводит ноосфере центральную роль и находит в человеке с его рациональностью и активностью объемлющую весь мир силу, формирующую биосферу и оказывающую на нее влияние. Образ человека у Вернадского обрисован не так широко, как у Шардена, так как он в большей степени чувствует себя ученым и в меньшей степени предается спекулятивным размышлениям.

Хотя послышки Вернадского и Шардена и таких ученых, как Бергсон и Гейзенберг, различны, тем не менее их работы отличает захватывающий дух прорыв в новую эру. Рассматривая их в ретроспективе с позиции сегодняшнего

дня, можно увидеть в этой фазе развития науки основу современной картины мира, которая, за счет использования интернет-связи и новых технологий, делает возможным интенсивный диалог человечества.

Перевод: Анна Петрова

Примечания

1. Цитируется по русскому изданию книги К. Ясперса «Смысл и назначение

истории»: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 32–33.

2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 34.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы. С. 33.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы. С. 34–35.